

УДК 316

В.Л. Лехциер*

**ВСТУПЛЕНИЕ В РАЗГОВОР:
ЗАМЕТКИ О КОММУНИКАТИВНОМ ПРИЗНАНИИ**

В статье вводится и феноменологически обосновывается понятие коммуникативного признания. Анализ понятия осуществляется в ходе феноменологии разговора как парадигмальной модели всякого взаимодействия. В центре внимания — институт вступления в разговор, феномен «lookingthrough» (А. Хоннет), работа на коммуникативное признание и его ситуативность, перформативный круг коммуникативного признания. Анализ осуществляется в контексте современной коммуникативно и феноменологически ориентированной социальной теории и этической философии.

Ключевые слова: коммуникативное признание, разговор, ситуация, речевой акт, взаимопонимание.

Для меня как для профессионального литератора друг — тот, кто меня читает. А кто не читает — «не друг и не враг, а так». Я просто провожу проверку, и если 5 % «френдов» меня читают — буду считать это нормальным результатом.

Владимир Новиков (пост в Фейсбуке)

Понятие *признания* у людей осведомленных сразу же вызывает в уме имя немецкого философа и социолога Акселя Хоннета с его книгой «Борьба за признание» (1992, Kampf um Anerkennung) [1], в которой он, отталкиваясь от работ Гегеля Йенского периода (1801–1806, «Система нравственности» и «Йенская реальная философия») и социального бихевиоризма Мида, предложил новый мотив для коммуникативной парадигмы социально-критической теории. Хоннет увидел в механизмах взаимного морального признания и источник для объяснения социальных конфликтов, и ресурсы для социальной трансценденции, и основания для построения новой нормативной моральной философии. Взаимному признанию, которое, по Хоннету, осуществляется в трех сферах — *любви, праве и солидаристском активном соучастии друг в друге*, противостоит соответствующий тройственный опыт *непризнания, социального пренебрежения* (Misachtung). Коммуникативное признание, о котором пойдет речь дальше, видимо, имеет отношение ко второй хоннетовской форме признания — *праву* — постольку, поскольку она основана на индивидуальной *уверенности* «в социальном исполнении определенных наших притязаний» [2, с. 129] и вытекающем из него *самоуважении*, а также имеет отношение и к третьей форме признания — *солидарности*, — поскольку она связана с борьбой за признание своей *социальной ценности*. Я не ставлю себе целью в этой статье проанализировать концепцию Хоннета и вписать туда понятие *коммуникативное признание*, я собираюсь обеспечить понятие «коммуникативное признание» феноменологическим содержанием. Признание, взаимное признание — родовое понятие у Хоннета, таким оно остается и для

*© Лехциер В.Л., 2014

Лехциер Виталий Леонидович (lekhtsiervitaly@mail.ru), кафедра философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

меня, хотя взаимность признания справедливо критикуется некоторыми исследователями Хоннета, утверждающими, что в мире человеческих отношений есть место асимметричным отношениям (как, например, в родительской любви) [3]. Видимо, тот теоретический интерес к теме признания, который проявился за последние XX лет в современной философии (Хоннет, Фрэйзер, Рикер, Тэйлор и др.), вызван самими релевантными практиками, трансформациями самого жизненного мира, поставляющего нам материал для рефлексии. Хоннет ссылался на социологические исследования протестных движений в постфордистскую эпоху. Для меня же важен другой фон нашего общего жизненного мира. Я обозначу его составные элементы:

1. Коммуникативная реабилитация пациента — тема wounded storyteller — «раненого рассказчика» [4] — и, соответственно, «слушающей медицины». То есть речь идет о коммуникативном признании пациента, начиная от ситуации первичного приема у врача и заканчивая вниманием к пациентским нарративам вообще и пациентскому сторителлингу на всем протяжении лечения/заботы, которое часто растягивается на всю жизнь — в «обществе ремиссии» [5, с. 4–10].

2. Деинституционализация искусства, активный поиск художниками своего зрителя за пределами традиционных институций. Этот процесс, конечно, окутан завесой всяческих легитимаций — политических, эстетических, этических, — но может быть рассмотрен также и с точки зрения борьбы художников за коммуникативное признание (например, для поэзии, которая сегодня абсолютно маргинализирована, это очень важно).

3. Вселенная новых медиа и, в частности, социальных сетей, в которых происходит эскалация нарративности и для которой новый онтологический принцип «Narrate ergo sum» («рассказываю, следовательно, существую») совмещается с неким **новым берклианством**: «esse — percipi», то есть для субъекта сетевого мира *быть* — значит, *быть воспринимаемым* партнером по коммуникации. Причем сетевого, разумеется, не только в смысле Интернета, а в смысле *ретикюлярности* современного мира во всех его сферах. Известные французские социологи Люк Болтански и Эв Кьяпелло в книге «Новый дух капитализма» (1999) написали (на основе анализа литературы по менеджменту начиная с 90-х годов), что в неокapитализме человек существует «более или менее интенсивно, в зависимости от числа и ценности контактов, проходящих через него» [6, с. 234], и именно в этом состоит общественная ценность человека, делающая его видимым или невидимым.

Итак, чтобы взглянуть в искомый феномен, набросать его предварительную феноменологию, рассмотрим три коммуникативные ситуации.

Ситуация первая. Двое людей садятся напротив друг друга, и между ними происходит такая странная беседа:

М и с т е р М а р т и н. Простите, мадам, но мне кажется, если я не ошибаюсь, я вас где-то видел.

М и с с и с М а р т и н. И мне тоже, мсье, мне тоже кажется, я вас где-то видела.

М и с т е р М а р т и н. Может быть, я вас видел в Манчестере?

М и с с и с М а р т и н. Вполне возможно. Я родом из Манчестера. Но я не помню, мсье, я не могу сказать точно, видела я вас там или нет!

М и с т е р М а р т и н. Боже, как удивительно! Сам я тоже родом из Манчестера, мадам! [7]

Беседа продолжается в том же духе, и в конечном итоге мужчина и женщина узнают, что они живут в одной квартире, спят в одной спальне, одной постели, застеленной зеленым покрывалом, что они муж и жена и что у них есть общая двухлетняя дочь Алиса. Беседа заканчивается репликой мужчины: «Итак, дорогая мадам, нет никакого сомнения в том, что мы с вами встречались и вы моя законная супруга... Элизабет, я вновь тебя обрел!» [7]

Обычно этот знаменитый фрагмент из пьесы Эжена Ионеско «Лысая певичка» (1951) трактуют в духе того, что здесь демонстрируется ситуация тотального отчуждения между

людьми, которые, живя вместе, в упор не видят и не знают друг друга. Однако можно его трактовать и иначе. Перед нами демонстрация связующей силы речевой коммуникации, в речевой коммуникации здесь и сейчас люди *обретают* (находят) друг друга. Онтологические последствия такого речевого взаимодействия наступили незамедлительно, потому что люди постарались внимательно вслушаться в слова друг друга. Не признавая и не узнавая друг друга за пределами этого речевого события, они сначала *здесь и сейчас* признали друг друга как *субъектов речи*, а уже вслед за этим формальным *коммуникативным признанием* произошло и узнавание друг друга в тех ролях, которые свойственны каждому из них в самой жизни. Речевое взаимодействие оказалось спасительным и восстанавливающим порядок жизни постольку, поскольку оно оказалось *реальным* взаимодействием, то есть основанным на взаимном признании коммуникативной *субъектности* друг друга.

Ситуация вторая (из той же пьесы).

М и с с и с М а р т и н. Я могу купить перочинный ножик своему брату, но вы не можете купить Ирландию своему дедушке.

М и с т е р С м и т. Мы ходим ногами, но обогреваемся электричеством и углем.

М и с т е р М а р т и н. Кто взял меч, тот и забил мяч.

М и с с и с С м и т. Жизнь следует наблюдать из окна вагона.

М и с с и с М а р т и н. Всякий может сесть на стул, раз у стула никого нет [7].

Здесь уже говорят четыре человека, но они говорят не друг с другом, а друг рядом с другом, каждый о своем. И хотя их реплики все-таки имеют некую рамку по замыслу автора, это, в частности, набор банальных констатаций, разоблачающих симулятивные структуры языка на уровне формы и содержания высказывания, сама ситуация демонстрирует симуляцию другого уровня — симуляцию разговора. Перед нами модель перформативного развала разговора. Люди говорят друг за другом, формально, то есть онтологически отвечая на реплику предыдущего участника сцены, но онтически они совсем не слышат собеседника, не принимают его в расчет. Статус собеседника как партнера по коммуникации становится здесь крайне зыбок, как и сама коммуникация. Еще раз: воспользуюсь для уточнения двумя уровнями ответа, которые выделил Б. Вальденфельс: *response* (онтологический уровень) и *answer* (онтический уровень). На респонзивном уровне участники данной сцены признают друг друга в качестве партнеров по общению, поскольку физически реагируют на реплики друга друга, даже соблюдают очередность, а не говорят, например, все вместе, но на уровне *answer*, то есть на уровне содержательного ответа — они отказывают друг другу в таком признании, не видят и не слышат друг друга. Коммуникативное признание в этой сцене крайне проблематизированно, хотя элементарные формы его все-таки просматриваются.

Ситуация третья. «В игнор»

— Доктор, меня все игнорируют... — Следующий!

Или более развернуто и более релевантно нашей теме...

На приеме у психотерапевта:

— Доктор, вот у меня такая проблема: я вот говорю, говорю, говорю, говорю... А меня как будто никто не слышит... Что мне делать, доктор?..

— Доктор: Ну, что, долго еще в молчанку играть собираемся?

Перед нами ситуация фатальной и тотальной невостробованности в другом его коммуникативной субъектности, человек думает, что проблема в нем, приходит к психотерапевту, чтобы исправиться, излечиться, воплотиться, чтобы его бытие стало наконец не только бытием-для-себя, но и бытием-для-другого, но этот другой только замыкает круг непризнания. Запертая в себя коммуникативная способность рождает на свет дефективную социальность, основанную на коммуникативном непризнании друг друга. Слом, приостановка процессов апрезентативного конституирования в другом коммуникативной субъектности чреватые не только развалом интересубъективных связей, но и нарушением интрасубъективного опыта человека, дисфункцией его само-

отношения, поскольку значимость наша в наших собственных глазах опосредована нашей значимостью для другого, как утверждает Хоннет.

Конечно, анекдот есть анекдот, здесь несчастный говорящий субъект превращен в призрака, в привидение, которое никто не видит и никто не слышит. Его нет ни для кого. В жизни, конечно, мы не призраки, мы обладаем плотью, мы заметны. Однако «lookingthrough», «взгляд сквозь», о котором пишет Хоннет, наделяет тебя невидимостью. Опыт коммуникативной не востребоваемости релевантен практически каждому из нас. Его проявления и эпифеномены добавлены практически во все повседневные взаимодействия гомеопатическими, но весьма ощутимыми дозами.

Возьмем случай обычного неформального разговора. Конечно, коммуникативное признание – понятие, более широкое, чем только связанное с языком, оно распространяется на все коммуникативные ситуации, связанные с включением или невключением того или иного человека в интеракцию, будь это спортивное соревнование или коллективная ловля рыбы. Но остановимся именно на речевом взаимодействии, на разговоре. Разговор в XX веке не раз выступал в роли привилегированного объекта для анализа и матрицы для описания социальных взаимодействий, моделью для эпистемологии и онтологии. Он оказался парадигмальным основанием для описания символической интеракции, процесса обмена значениями. Он оказался очень удобен, чтобы показать, как работает в повседневности нетематическое следование правилу, как интериоризируется и приводится в действие т. н. «знание как» (Райл) или «grasping» (Уинч). Экспликация методологических основ интерпретативных наук во многом сводится к формуле: «разговор-с», а не «разговор о», который происходит в науках номотетических, и тем более не «разговор за...», который обычно ведется в отчетливо политизированном научном дискурсе, субъект которого наделяет себя правом говорить за тех, кто сам не может или не хочет сказать о себе ничего определенного.

Для Гадамера разговор послужил экзemplаристской основой для феноменологии герменевтического опыта. Макинтайр на основе внимательного отношения к разговору сформулировал свою новую антропологическую формулу касательно «животного, повествующего истории», потому что всякий разговор – это обмен историями, это создание их по ходу дела, это их начало, середина и конец, побочные линии. «Но если это верно о разговорах, – пишет Макинтайр, – это истинно *mutatismutandis* о сражениях, шахматах, ухаживании, философских семинарах, семьях за обеденным столом, переговорах по поводу контрактов, то есть о человеческих делах вообще. Потому что разговор, понимаемый достаточно широко, есть форма человеческих действий в общем» [8, с. 285]. Не случайно и Хабермас, всячески подчеркивая, что коммуникативно понимаемое социальное действие не должно сводиться к разговору, все же связывает его коммуникативную сущность именно с процессами *языкового взаимопонимания* и основывает свою теорию на теории речевых актов [9, с. 296]. Наконец Гофман вместе с другими интеракционистами (Гарфинкель, Сакс, Джефферсон) уделяет разговору, вероятно, самое пристальное внимание в истории науки, потому что самая простая беседа, болтовня является, с его точки зрения, окном в мир рутинного фрейминга повседневных взаимодействий.

Однако ни Макинтайр, ни Хабермас, ни даже Гофман с его действительно скрупулезным микроанализом всего, что происходит во время разговора, не затрагивают, как представляется, один важнейший его момент, который я бы и хотел зафиксировать в понятии *коммуникативное признание*. Вся существующая аналитика разговора вплоть до *конверсационного анализа* исходит из разговора как свершающейся данности. Однако не менее важен кажущийся тривиальным и малозначительным момент отказа от разговора, непринятия в разговор, хотя бы под девизом «я с тобой не разговариваю». Представим себе двух разговаривающих людей, увлеченных беседой, и вот некто стремится вклинуться в нее, он всячески пытается что-то сказать, пытается обратить на себя внимание,

но его не замечают, перебивают, не дав закончить предложение, ведут себя так, как будто его нет, «lookingthrough», как пишет Хоннет в статье о «невидимости» [10, с. 80], а я бы еще добавил «lookingaway». В данный момент, в ситуации здесь и сейчас, этот третий потенциальный участник беседы коммуникативно не признан. Мы знаем, что культура выработала целый перечень ритуалов, смысл которых *вступление в разговор*. От застольного ритуала *алаверды* до школьно-ученического поднятия руки человек просит слово, манифестирует другим, что он тоже что-то хочет сказать, вступить в разговор. И мы знаем также ряд выработанных культурой запретов, например по возрасту и полу, налагающих ограничения на спонтанное вступление в разговор. Дети должны молчать, когда говорят старшие, так же как женщины в мусульманских странах не имеют права на слово в мужском разговоре. Но совершенно неприципиально, происходит ли это в отведенных обычаями рамках или вне таких рамок, человек жаждет быть признан другими в своем праве на высказывание, на участие в коммуникации.

Вступление в разговор — феноменологически ясный и структурно отчетливый момент, потому что, чтобы разговор состоялся, потенциальные его участники должны сначала в него *вступить*. Вступление в разговор на перформативном уровне означает, что вступающие в него признают друг в друге *коммуникативную субъектность*, право и способность на коммуникацию, признают друг друга достойными коммуникации, выдают друг другу санкцию на говорение, фактически одаривают друг друга онтологическими дарами, тем бытийственным модусом, который связан с повседневной реализацией структуры бытия-друг-с-другом.

Однако коммуникативное признание не ограничивается ситуацией вступления в разговор. Более того, разговор постоянно несет в себе угрозу срыва в отказ от разговора, в коммуникативное непризнание кого-либо из его участников, от кого попросту могут отвернуться, перестав его слушать и принимать во внимание. Любой разговор совершается на фоне той разновидности *тревоги*, которая связана с возможной потерей участниками разговора своей коммуникативной значимости. Поэтому коммуникативное признание ситуативно, здесь ситуативный характер коммуникации показывает себя наиболее отчетливо. Человек может обладать сотнями статусов до вступления в разговор, он может быть тысячу раз окутан «респектом и уважухой», но *респектабельность* (gesprest — признание) как *уже-признанность* не работает в *ситуации*. Коммуникативная признанность как онтическая предпосылка интеракции, разумеется, может существовать и даже может быть институционально оформлена. Например, таким статусом может наделять человека социология, присваивая ему статус *респондента*. Статус *эксперта* тоже есть выданный карт-бланш на говорение и гарантированность аудитории. Однако в коммуникации все решает наличие *ситуативной экспертности* или, соответственно, ее отсутствие. Какими бы вы ни были признанными *до того*, вступив в коммуникацию, вы снова оказались как будто брошенными далеко за буйки, вы должны проявлять максимум усилий, чтобы не пойти ко дну. Действенные усилия, направленные на поддержание интереса к собственной персоне исключительно как к спикеру или сторителлеру, я бы назвал *работой на коммуникативное признание*. Работа на коммуникативное признание должна происходить постоянно по ходу коммуникации. Это делает коммуникативное признание явлением исключительно перформативным.

В отличие от парадигмы сознания, предполагающей монадическую конституцию субъекта, коммуникативная субъектность конституируется интерсубъективно. Чем больше я трачу усилий на вступление в коммуникацию, на утверждение и возобновляемое подтверждение своей коммуникативной субъектности, тем больше под угрозой оказывается содержание того, что я хочу сказать. Об этом написал Гофман в своей лекции о лекции: «Я имею право — на самом деле, я обязан — поддерживать коммуникативный процесс (независимо от того, являюсь я героем собственной речи или нет) с помощью любых подходящих жестов и зримых телодвижений. Однако если в силу сказанного мной вы концентрируете свое внимание на сопутствующей анимации, если из-за моих

замечаний вы фокусируетесь на процессе их произнесения, тогда под угрозой оказывается нечто, образующее структурное ядро речевых актов: разделение между внутренней и внешней стороной слов, между областью дискурсивных значений и механикой производства дискурса» [11, с. 11–12]. Если по мере специальной работы на коммуникативное признание само значение сказанного мной перестает быть центром внимания, то и достигнутое коммуникативное признание, очевидно, будет ненадежно.

Эту работу можно обнаружить и в письменном тексте, например научном. В частности, ритуал цитирования сообщает авторитетность не только тому, о чем ты говоришь, но и призван вызвать доверие к тебе как автору, желание тебя читать дальше. При всей конвенциональности и форматности этого ритуала каждый в его рамках выбирает свою стратегию. Есть авторы, которые обладают настоящим призванием в отношении изобретения все новых и новых способов работы на коммуникативное признание. В художественном произведении на эту работу заточены многие художественные приемы, такие как интрига, нарушение ожиданий, саспенс – главное, чтобы не закрыли книгу и не нажали на «выкл.». Гофман пишет: «всякое представление другим какого-то отрезка опыта терпит неудачу, если не поддерживается нечто вроде напряженности ожидания (*suspense*)» [12, с. 616].

Современная коммуникативная философия вроде бы тематизировала коммуникативное признание, но вроде бы и нет. По крайней мере, именно такого понятия она не предлагает, хотя основательно разработала и продолжает разрабатывать большой набор понятий, описывающих коммуникацию из самых разных перспектив, в том числе в контексте проблематики *признания*. Кажется, что коммуникативная философия ходит кругами вокруг этого феномена, не называя его и предпочитая другие аспекты коммуникации.

У Хабермаса присутствует понятие признания – в отношении тех *взаимных притязаний на значимость*, которые выдвигают партнеры по *коммуникативному действию*, телосом которого является взаимопонимание. Как мы помним, по Хабермасу, у участников коммуникации, коль скоро она протекает в сфере вербальных выражений, притязания на значимость имеют тройственную референцию – это притязания на *истинность* (в отношении объекта высказывания), на *правдивость* (в отношении субъективных намерений говорящего: то есть *говорю именно то, что думаю*) и на *правильность* [13, с. 91–92] (уместность в отношении общественно признанных ожиданий). Все три притязания – это то, на что претендует *содержание* говоримого мной, это притязания тех *значений*, которые я выражаю в своих высказываниях, тех *смыслов*, которые я адресую собеседнику.

Вот эти три притязания на то, что я говорю нечто *значимое*, могут быть *признаны* в ходе интеракции, а могут быть *оспорены*, поскольку в коммуникативном действии притязания на значимость должны быть доступны для критики и располагать возможностью обоснований, – это составляет суть *коммуникативной рациональности*, не важно, имеем ли мы дело с простым разговором, то есть «наивным» коммуникативным действием или с дискурсом, который эксплицирует собственные основания в самом процессе интеракции. Однако в отношении коммуникативного признания оспаривание притязаний на значимость одного из говорящих есть другая форма признания его коммуникативной субъектности. Вступить в спор с кем-то по одному из трех аспектов притязаний на значимость (или по всем трем сразу) означает легитимировать оппонента в качестве субъекта высказывания. Любое, даже самое убедительное опровержение или разоблачение есть перформативная форма утверждения опровергаемого.

Коммуникативное признание, которого я ожидаю и на которое я рассчитываю, есть ожидание не того, что со мной согласятся, а того, что меня вообще будут слушать, то есть это ожидание не в отношении содержания говоримого мной, а в отношении самого акта моего говорения, это притязания на значимость не того, ЧТО я говорю, а того, что я ГОВОРЮ. Хабермасовское понятие «*притязание на правдивость*» не покрывает мою имплицитную установку на коммуникативное признание. Я могу говорить то, что я думаю, о том или ином предмете разговора, то есть быть абсолютно

искренним, но при этом еще и думать о том, что я все еще ГОВОРЮ и что меня все еще слушают. Это сродни концепции «сопровождающего сознания» в классическом трансцендентализме. Не важно, искренен ли я или неискренен в отношении предмета разговора, важно, что я в любом из этих случаев совершенно имманентно нацелен на участие в разговоре. Это сопровождающее сознание своего участия в разговоре, ожидание своей коммуникативной признанности может мной осознаваться тематически и даже выговариваться вслух, а может оставаться на уровне дорефлексивного *cogito*.

У Хабермаса есть понятие, которое можно отнести к работе на коммуникативное признание, — это «латентное стратегическое действие», предполагающее инструментализацию речевых действий и «эгоцентрическую калькуляцию успеха». То есть это такое действие, когда взаимопонимание включается в стратегию достижения какой-то внешней самому взаимопониманию цели. Такой целью может быть и личное коммуникативное признание, хотя его «внешний» характер совсем неоднозначен. Более того, коммуникативное признание может быть квазиконечной целью *стратегического действия*. Квази, потому что эта цель никогда не может быть достигнута окончательно и будет нуждаться во все новых и новых актах взаимопонимания. По аналогии с герменевтическим кругом понимания я бы назвал данный феномен *перформативным кругом коммуникативного признания*. Его можно очертить и с противоположной стороны. А именно если мы хотим исходно добиться взаимопонимания и в этом состоит наша главная цель, то для достижения ее мы должны быть коммуникативно признаны, а для этого мы должны поработать на собственное коммуникативное признание, что включает, в свою очередь, причем самым необходимым образом, и установку на взаимопонимание, потому что без взаимопонимания добиться коммуникативного признания невозможно в принципе.

Если воспользоваться критическим политическим дискурсом, то можно уподобить этот перформативный круг коммуникативного признания логике капитализма, в которой капитал никогда не бывает окончательным, он вкладывается в новый экономический цикл с целью получения дохода, а полученный капитал снова реинвестируется. Так и коммуникативное признание: оно вкладывается в новый коммуникативный цикл, в котором благодаря взаимному признанию происходит увеличение капитализации, то есть признанности, которая снова и снова реинвестируется в коммуникацию. Это очень мощный мотивационный механизм, обеспечивающий динамику и постоянные преобразования коммуникации.

Библиографический список

1. Honneth A. The struggle for recognition: The moral grammar of social conflicts. Cambridge, MA: Polity Press, 1996. 215 p.
2. Фурс В. Социальная философия в непопулярном изложении. Вильнюс: ЕГУ, 2006.
3. Щитцова Т. За границами признания: к хоннетовской актуализации Гегеля // Топос. № 1 (21), 2009. С. 33–52.
4. Frank A. Wounded Story teller: body, illness, and ethics. Chicago: University Of Chicago Press, 1997.
5. Лехциер В.Л. Предисловие: быть услышанным // Общество ремиссии: на пути к нарративной медицине: сб. науч. тр. / под общ. ред. В.Л. Лехциера. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012.
6. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма / пер. с фр. под общ. ред. С. Фокина. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
7. Ионеско Ж. Лысая певичка. Антипьеса / пер. Е. Суриц. М.: Изд-во «Известия», 1990. URL: <http://www.lib-drama.narod.ru/ionesco/pevica2.html>.
8. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
9. Фурс В. Соч.: в 2 т. Т. 2. Вильнюс: ЕГУ, 2012.
10. Хоннет А. Невидимость: о моральной эпистемологии признания // Кантовский сборник. 2009. Вып. 1 (29).

11. Гофман И. Лекция // Социологическое обозрение. Т. 6. № 2. С. 4–26.
12. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ.; под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. ст. Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003.
13. Хэбермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000.

References

1. Honneth A. The struggle for recognition: The moral grammar of social conflicts. Cambridge, MA: Polity Press, 1996. 215 p.
2. Furs V. Social philosophy in unpopular presentment. Vil'nius: EGU, 2006.
3. Shitsova T. Over the boundaries of recognition: on Honnet actualization of Hegel, *Topos [Topos]*, no. 1 (21), 2009, p. 33–52. (in Russ.)
4. Frank A. Wounded Story teller: body, illness, and ethics. Chicago: University Of Chicago Press, 1997.
5. Lekhtsier V.L. Foreword: to be heard, *Obshchestvo remissii: na puti k narrativnoi meditsine: sb. nauch. tr. [Society of remission: on the way to narrative medicine: collection of research papers]*, V.L. Lekhtsier (ed). Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2012. (in Russ.)
6. Boltanski L., Chiapello E. Le nouvel esprit du capitalism, transl. from French. S. Fokin (ed). M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011.
7. Ionesco E. La Cantatrice Chauve. Antiplay, trans. by E. Surits. M.: Izd-vo «Izvestia», 1990. Available at: <http://www.lib-drama.narod.ru/ionesco/pevica2.html>.
8. MakIntyre A. After Virtue: Investigation of the theory of moral. M.: Akademicheskii Proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2000.
9. Furs V. Works: in 2 Vol. V. 2. Vil'nius: EGU, 2012.
10. Honneth A. Invisibility: on moral epistemology of recognition. *Kantovskii sbornik [Kant collected work]*. 2009. Ed. 1 (29).
11. Hoffman I. Lecture. *Sotsiologicheskoe obozrenie. [Sociological Review]*. Vol. 6. № 2. P. 4–26.
12. Hoffman I. Analysis of frames: essay on organization of daily experience: transl. from English, G.S. Batygin and L.A. Kozlova (ed.); foreword by G.S. Batygin. M.: Institut sotsiologii RAN, 2003.
13. Habermas J. Moral Consciousness and Communicative Action. SPb.: Nauka, 2000..

*V.L. Lekhtsier**

JOINING IN THE CONVERSATION: NOTES ON COMMUNICATIVE RECOGNITION

The article introduces and phenomenologically grounds the concept of communicative recognition. Analysis of the concept is implemented in the phenomenology of conversation as the paradigmatic model of every interaction. The author focuses on the Institute of entry into the conversation, the phenomenon of «looking through» (A. Honnet), work on communicative recognition and its situational, performative circle of communicative recognition. The analysis is carried out in the context of modern communicative and phenomenologically oriented social theory and ethical philosophy.

Key words: communicative recognition, conversation, situation, speech act, mutual understanding.

* *Lekhtsier Vitaliy Leonidovich* (lekhtsiervitaly@mail.ru), the Dept. of Philosophy of Humanitarian Faculties, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.